

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ.

(«Русская Мысль» апрель—июль).

В прошлый раз, говоря о «Новомъ Словѣ», мы очертили выведенный г. Рубакинымъ типъ женщины, жертвующей кое-чѣмъ отъ своихъ щедротъ на пользу меньшей братии, любующейся на себя и ожидающей и в этомъ поводу, если не поклонения со стороны окружающихъ, то по крайней мѣрѣ хоть признанія ея заслугъ. Г. Чеховъ въ рассказѣ: «Домъ съ мезониномъ» представляетъ намъ совершенно другого рода типъ — въ лицѣ Лиды Волчанниновой, дѣвушки матеріально вполне обеспеченной. Она служитъ учительницей въ земской школѣ, живетъ безвыѣздно въ деревнѣ. Живая, искренняя, убежденная, она горячо принимаетъ къ сердцу всѣ нужды мѣстнаго населенія, заботится о школѣ, больницѣ, аптекѣ, не будучи въ состояніи лично принимать участія въ земскихъ дѣлахъ, она руководитъ другими, воодушевляя и побуждая къ дѣятельности простыхъ. Коротко говоря, передъ нами дѣятельный, любвеобильный человекъ. Но велико дѣло, за которое взялась Лидя, но этому своему маленькому дѣлу она посвящаетъ всѣ свои силы. Такая дѣятельная личность наталкивается на художника, отъ имени котораго ведется рассказъ, «обреченнаго судьбой» почему-то на постоянную праздность, проводившаго время въ раскладываніи пасьянсовъ, въ глянцѣ на небо, на алдеи, въ чтеніи...

Казалось-бы, что этотъ празднующійся господинъ въ присутствіи такой дѣвушки долженъ былъ-бы быть тише воды, ниже травы,

на дѣлѣ-же происходить другое. Ему, видите-ли, не нравится дѣятельность Лиды.

— «Мужичья грамотность, книжки съ жалкими наставленіями и прибаутками и медицинскіе пункты не могутъ уменьшить ни невѣжества, ни смертности. Если-бы всѣ мы, городскіе и деревенскіе жители, всѣ безъ исключенія, согласились подѣлать между собою трудъ, который затрачивается вообще человечествомъ на удовлетвореніе физическихъ потребностей, то на каждого изъ насъ, быть можетъ, пришлось-бы не болѣе двухъ-трехъ часовъ въ день. Остатокъ досуга, всѣ мы сообща отдадимъ наукамъ и искусствамъ. Какъ иногда мужики мѣрять починяютъ дорогу, такъ и всѣ мы сообща миромъ искалимъ правды и смысла жизни и правда была бы открыта очень скоро...»

— Подобныя милыя вещи говорить обыкновенно, когда хотять оправдать свое равнодушіе — совершенно правильно возражаетъ Лидя.

Дѣло, однако, не въ художникѣ, отъ имени котораго ведется рассказъ, а въ томъ, который подписанъ подъ рассказомъ. Для рѣшенія поставленъ важный принципиальный вопросъ, а г. Чеховъ прячется за своихъ героев и ни однимъ словомъ не выражаетъ симпатіи ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Иногда такого рода объективизмъ имѣетъ raison d'être, но въ данномъ случаѣ писатель долженъ быть субъективнымъ, иначе исчезаетъ весь смыслъ рассказа, какъ это и случилось въ дѣйствительности.

Совѣтъ другое впечатлѣніе производитъ рассказъ Вл. Муромова «Захаръ Степановичъ». Любимый арестантами надзиратель, подвыпивъ въ день именинъ жены и, благодаря этому, не въ мѣру расчувствовавшись, отпущаетъ одного изъ

арестантовъ на свиданіе съ женой. Арестантъ обманулъ легковѣрнаго старика и убѣждалъ, а несчастный надиратель, въ первый моментъ задѣтый тѣмъ, какъ смѣлъ такъ жестоко оскорбить его, Захара Степановича, арестантъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которыми онъ всегда вѣрилъ, съ которыми, жалѣя ихъ, поступалъ по душѣ и которые никогда до этого не платили ему такую черною неблагодарностью, не только были уволены, но и преданы суду. Слѣдователь, не сумѣвшій разобраться въ мотивахъ страннаго поведения надирателя, заключаетъ его подъ стражу, гдѣ бѣдный старикъ кончаетъ самоубійствомъ. Не смотря на некоторую растянутость, рассказъ читается съ большими интересомъ, а нѣкоторыя сцены прямо списаны съ натуры.

Говорить читателю о томъ, что дышитъ жизнью каждая строчка новой повѣсти г. Станюковича: «Черноморская Сирена» — значило-бы говорить о вещахъ, чуждыхъ уже извѣстнымъ. Правда, «сухонутные» рассказы этого автора далеко уступаютъ по талантиности «морскимъ», но и въ первыхъ столько жизни и юмора, лица обрисованы такъ пластически, каждая черточка характера выступаетъ такъ выпукло, что даже на «сушѣ» немногіе писатели могутъ соперничать съ г. Станюковичемъ.

На первыхъ страницахъ «Черноморской Сирены» авторъ знакомитъ насъ съ талантливымъ писателемъ Овиринъ и съ разошедшейся съ мужемъ изъ-за любви къ нему Варварой Александровной Меньковской, женой петербургскаго адвоката. Овиринъ, живой, увлекающійся, добродушный и необыкновенно мягкій, «гордый спорщикъ и фаталистъ, исповѣдующій самыя крайнія убѣжденія, шелъ того какъ въ молодости исповѣдо-

вать совершенно противоположныя, наввно самолюбивый и безшабашный, готовый въ минуты порыва на всякое сумасбродство и въ то же время, когда надо, очень практичный и осторожный, славный товарищъ и добрый человѣкъ, имѣвшій мужество высказывать иногда нелѣпости и не обижаться, если надъ нимъ за это смѣялись, влюбился, какъ самъ выражался, «съ разбѣга» въ пикантную, умную, живую, высоко цѣнившую его талантъ и понимающую его самого, порывистую и страстную Меньковскую. Она разошлась ради него съ мужемъ. Первые шесть мѣсяцевъ были для нихъ какимъ-то безумнымъ сплошнымъ праздникомъ, но затѣмъ Овиринъ сталъ охладѣвать, не разъ подумывалъ о томъ, что было-бы лучше, «если-бы Вавочка не приносила жертвы и не бросала мужа. Тогда, куда легче было-бы увильнуть, а теперь?»... «Теперь» онъ пробавлялся жаленькими увлеченіями, коротенькими романами, но всегда, не смотря на беззащитное выкручиваніе, былъ уличаемъ ревнивой сожительницей. Задумавъ онъ было подъ благовиднымъ предлогомъ отдыха, удрать отъ нея, но «Вавочка» такъ ловко обошла его, что выскочивъ съ нимъ очутилась въ Крыму. Здѣсь всѣ отъ мала до велика увлечены нѣкоей Маріанной Николаевной Христофори, прозванной «Черноморской Сиреной». Овиринъ съ перваго взгляда ослѣпленъ ея красотой, выдумываетъ предлогъ ускользнуть отъ «Вавочки» и знакомится съ нею. Но «Сирена» совсѣмъ не оправдываетъ своего прозванія. Это одна изъ тѣхъ чистыхъ, чуткихъ женщинъ, которыхъ окружающая жизнь со всѣми ея свѣтскими атрибутами: флиртомъ, легкими кокетничаніемъ и т. д. удовлетворить не можетъ. и

К. О. Н.

<Ф. Я. Кондратьевъ>

См. след. стр.

тупило, пресыщенности, сию же мутноватого

которые, благодаря этому, переживают вечный душевный разладъ. «Ей хотѣлось съ кѣмъ-нибудь посоветоваться, спросить у добраго, хорошаго человека, какъ жить, чтобы не было подчасъ стыдно, чтобы не было этого душевнаго разлада, и она могла бы кѣмъ-нибудь удовлетвориться, найти цѣль въ жизни, работу, которая имѣла-бы смыслъ». Но такого человека не оказывалось. «Она обращалась прежде за совѣтами къ влюбленному и жиняну, но... всѣ эти совѣты сводились къ любовнымъ признаніямъ, каждый пужиха смотрѣлъ на ея красоту, какъ на общественное достоинство, и словно считалъ обязанностью попробовать овладѣть ею, хотя всѣ и знали, что она замужняя женщина».

Такимъ же, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась Овиринъ.

— Стыдитесь!—отвѣчаетъ ему М. Н. на его признаніе въ любви... Вы, писатель, учитель, который проповѣдуетъ въ своихъ проповѣдяхъ о долѣ, о силѣ характера, о служеніи ближнему, и самъ говорить, что готовъ пожертвовать жизнью изъ-за того, что на него нашла блажь... Я думала о васъ лучше, Дмитрій Сергѣевичъ. А теперь вижу, что вы самый обыкновенный ухаживатель, обманывающій каждую смальную женщину, отдавъ за нее жизнь... Какъ она у васъ дешева!...—прибавила она и засталась дымить сигарою.

Но Овиринъ—болѣе чѣмъ «самый обыкновенный ухаживатель». Когда Меньковская, позва-
 ковшись съ Маріанной Николаевной и по-
 славъ ее въ свою личную жизнь, успокоилась на счетъ «завлеченія» со стороны «Сирены»,
 приняла тактику: не кормила Овиринъ, не слѣ-
 дила за нимъ, словно примирилась съ положе-

ніемъ оставленной любовницы и довольствова-
 лась исключительно его дружбой и уваженіемъ,
 тогда-то этотъ безхарактерный эгоистъ прояв-
 ляетъ новыя черточки своей ожирѣвшей души:
 дѣлится съ «Вавочкой» своимъ горемъ по по-
 воду неудачи ухаживанія за «Сиреной». Но этого
 мало. Вернувшись домой, посылъ объясненія съ
 М. Н., онъ вновь бросается въ объятія «Ва-
 вочки»...

Перейдемъ къ «серьезному» отдѣлу.

Подобно «Новому Слову», и «Р. М.» также
 не мало страницъ посвящаетъ вопросу объ эконо-
 мическомъ материализмѣ. Въ лежащихъ передъ
 нами четырехъ книжкахъ заслуживаетъ вниманія
 «Отвѣтъ на возраженія г. Струве» г. Л.
 Оболенскаго и статья «Объ экономическомъ ма-
 териализмѣ» г. В. Гольцева.

Г. Оболенскій въ своемъ отвѣтѣ вновь под-
 тверждаетъ, на этотъ разъ вполне ясно и ка-
 тегорически, свое положеніе въ данномъ вопросѣ.
 «Особенность моего взгляда, говоритъ авторъ,
 состоитъ въ томъ, что самъ я не рѣшаюсь
 сказать пойдутъ-ли мы непремѣнно направо, или
 непремѣнно нѣзаво (въ дѣлѣ развитія капита-
 лизма). Я думаю, что это будетъ зависеть отъ
 насъ самихъ, отъ нашей энергіи, сознатель-
 ности, усилій, труда. Во всякомъ случаѣ, я своей
 точкой зрѣнія устраняю всякій оптимизмъ и
 квіетизмъ и возлагаю все послѣдствіе на само
 общество, на всѣхъ кто въ немъ можетъ что-
 либо сдѣлать». Нельзя не сознаться, что народ-
 ники-идеалисты, успокоенные своими надеждами
 на русскія особенности, предались нѣкоторой
 дремотѣ (?); но, къ сожалѣнію, экономическіе
 материалисты внесли въ многія души новый квіе-
 тизмъ, увѣрили, что шестіе капитализма есть

«законъ», его-же не перейдешь». Какъ видимъ, г. Оболенскій близко подходитъ къ той точкѣ, на которой стоитъ проф. Исаевъ и Яроцкій.

Съ совершенно другой стороны подходитъ къ вопросу г. Гольцевъ.

«Производственные отношенія не объясняютъ всей духовной эволюціи человѣчества. Психика человѣка, результатъ долгой биологической эволюціи, уже въ первобытныя времена, развиваясь въ извѣстныхъ условіяхъ среды, приобретаетъ все болѣе и болѣе значеніе самостоятельнаго и могущественнаго фактора цивилизаціи. Религіозныя вѣрованія, включившія въ себя первоначально всю совокупность нравственныхъ и правовыхъ предписаній, имѣли весьма значительное вліяніе на социальный бытъ народа и возникли, говори осторожно, далеко не подъ исключительнымъ вліяніемъ экономическихъ причинъ. Господствующему положенію духовенства наносили рѣшительные удары не перемѣны въ производственныхъ отношеніяхъ, а мысль Галилея и Коперника. Косвенно эта мысль содѣйствовала пересозданію экономического быта. Естественныя науки и точныя историческія изслѣдованія все болѣе и болѣе увеличиваютъ область доступнаго для человѣчества планетрнаго устройства общественной жизни».

Мы приведемъ только заключенія, къ которымъ приходитъ авторъ, съ тѣмъ, чтобы подольше остановиться на очень важномъ практическомъ вопросѣ: что дѣлать «марксистамъ», еслибы намъ действительно пришлось пережить стадію капитализма со всеми его атрибутами. «Нимъ слѣдуетъ возставать противъ фабр. законодательства на пользу рабочихъ, п. ч. это законодательство задерживаетъ ростъ и концентрацію капиталовъ,

и содѣйствовать скорѣйшему разрушенію общины и обезземеленію крестьянской массы. Нѣкоторые прямо на это и рѣшаются». Но одинъ изъ творцовъ экономического матеріализма Ф. Энгельсъ, тотъ самый авторъ, который говоритъ о «прыжкѣ» изъ царства необходимости въ царство свободы, какъ только измѣнятся условія производства, въ другомъ мѣстѣ говоритъ совсѣмъ другое: «когда искажаютъ наше ученіе и приписываютъ намъ мысль о томъ, что экономическій моментъ есть единственный рѣшающій, намъ приписываютъ мнѣніе нецѣлое и абстрактное». Г. Гольцевъ приводитъ эти слова Энгельса и указываетъ на то, что они «разрѣшаютъ марксистамъ не ожидать этого прыжка, а содѣйствовать хотя-бы постепенному улучшенію и экономическаго положенія и просвѣщенія русскаго народа». «Сюда, въ эту сторону должны быть направлены энергическія усилія государства, общества и отдельныхъ людей, которымъ дорога правда и справедливость. Есть задачи выше и плодотворнѣе развитія личнаго и общественнаго самосознанія».

«Если успѣхи научнаго знанія и ростъ общества, справедливости, какъ мы надѣемся, далеко обгонятъ производственные отношенія, марксисты сами поражаются такому показательству односторонности ихъ теоріи. Поработаемъ же въ мѣру нашихъ силъ для того, чтобы подобныя доказательства множились въ числѣ и подымались въ достоинствѣ».

Въ этому глубоко прочувствованному призыву, намъ остается развѣ прибавить пожеланіе, чтобы онъ нашелъ откликъ въ возможно широкихъ кругахъ нашего общества.

К. О. Н.

(Ф. Я. Кон)

Полит. есслѣн.,
См. 14 том 30-пол. нма